

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА

ЗАЧЕМ ИМ ЖИТЬ?

ЮЛЯ

А я хочу так страстно жить, веровать, чувствовать!.. Я ведь умру, умру, а так хочется жить, уехать, жить, жить!

Дневник ленинградского подростка-блокадника
Юры Рябинкина

Дети Великой Отечественной – что видели они до 1941-го года? Успели ли запечатлеть в памяти те самые мимолетные мгновения детского счастья, которые греют потом нас всю жизнь? Да что там – сохранить в памяти, довелось ли этим ребятам хотя бы испытать их? Что успела им дать жизнь до войны, чтобы они запомнили, ради чего им стоит бороться? Откуда-то в них было это отчаянное желание – выжить, несмотря ни на что. Блокадный Ленинград. До нас долетели лишь обрывки хроник, отголоски рассказов, страшные черно-белые кадры умирающих прямо на улице людей... Потомки хранят эти свидетельства, создают по ним новые фильмы, ставят спектакли, стараясь отдать дань тому подвигу, причины которого останутся для нас тайной. А может, у подвига и не должно быть причин, его просто совершают, не успевая задуматься.

2014-й. Юле пятнадцать лет. Для чего жить – она не знает. О таких, как она, говорят много похожих фраз: “заелись... бессовестные... горя не хлебнули – вот и не ценят ничего...”. Она слышала это много раз. Возможно, раньше ей было обидно и хотелось заплакать. Сейчас ей всё равно – бессмысленно отвечать. Юлиной маме тридцать пять. Она наркоманка. Уже четырнадцать лет. Юле повезло: в отличие от младших Коли и Насти её самую маму успела родить до того, как начала колотьяся. Коле восемь, а Насте четыре.

ТУЛУШЕВА Елена Сергеевна родилась в 1986 году в Москве. Окончила Институт психоанализа и Институт психотерапии и клинической психологии. Работала во Франции и Соединённых Штатах. Старший медицинский психолог в московском реабилитационном центре для подростков, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью. Училась на Высших литературных курсах (семинар А. Воронцова), участница Совецания молодых писателей в Нижнем Новгороде (семинар А. Сегеня) и XIII Международного форума молодых писателей в Липках (семинар А. Казинцева и С. Куняева). Как прозаик дебютировала в 2014 году в журнале “Наш современник”. С тех пор публикации Елены Тулушевой появились в журналах “Берега”, “Волга-XXI”, “Нёман” (Беларусь), в интернет-журнале “Парус”.

Юля не знает, любит ли она их. Она вообще не знает, любит ли она, умеет ли любить – это для нее какое-то странное чужое слово из сказок. Папа у Юли тоже есть. Вроде как даже полная семья получается, когда папа бывает с ними в перерывах между сроками в тюрьме.

Когда Юля была маленькая, она играла с маминими шприцами в больницу. Потом домой стали часто приходиться из милиции. Она знала, что это плохо: в фильмах и передачах милиция приходила, когда делали что-то плохое. Маме было все равно, а бабушка начинала бегать по дому и убирать все мамины “лекарства”. Когда Юле было пять, маму лишили родительских прав. Милиция решила оградить ребенка от матери-наркоманки. И Юлю отдали под опеку... ее бабушке. Об этом Юля узнала случайно уже лет в двенадцать, потому что в ее жизни с решением чиновников ничего не изменилось: она осталась жить в той же квартире с мамой-наркоманкой и бабушкой, выросившей наркоманку.

Наркоманами не рождаются. Как правило, ими не становятся по принуждению. Ими вырастают: из бесконечных скандалов и ссор, из обвинений и сравнений со всеми, кто лучше, из унижений от близких, из конфликтов старших, из оскорблений и физических наказаний, из безразличия родных. Ими вырастают медленно, на виду у многих: родственников, соседей, учителей.

Умирают тоже часто на виду, тоже медленно, долго. Юлина тетя не хотела долго: она умерла быстро, одним шагом – из окна. Юля видела этот шаг. Бабушка много лет потом плакала и приговаривала, что Юля ее последняя надежда. Теперь у бабушки есть еще Коля и Настя. Они, может, и не хотели пробовать наркотики, но мама не спрашивала их во время беременности. Ей было плохо, и ей нужно было “лекарство”. Юля все это видела и теперь рассказывает с безразличием. И оно не показное, не надуманное. Возможно, на эмоции у нее просто не осталось сил. Все ушли на детские переживания, когда мама по несколько дней не появлялась дома, а бабушка то плакала, то кричала на Юлю по любому поводу. Ей было обидно: плохо вела себя мама, а ругалась бабушка на Юлю. Но она молчала, потому что боялась, что если бабушка будет ругаться на маму, та снова уйдет и больше не вернется.

Постепенно Юля стала все меньше переживать: то ли устала, то ли привыкла, то ли стала сухой и черствой. Она не любит документальное кино про войну. Она смотрит на чужое горе с таким же безразличием и скукой, с каким теперь воспринимает бабушкины слезы, мамины обещания про “последний раз”, папины редкие появления, ворчание учителей и бесконечные собственные скитания по больницам, приютам, реабилитационным центрам. Юля употребляет уже два года. И ей все равно. В каждом новом месте, где ей говорят, что хотят помочь, она никому не врет: она не хочет помощи, она хочет наркотики, и чтобы ее не трогали, и да, ей всё равно, что будет потом.

Пробовали объяснять ей, ради чего стоит жить, рассказывая замечательные истории про то, как может еще сложиться судьба, как много у нее будет счастья, любимый человек, дети, семья, работа, друзья, творчество. Ей приводили реальные примеры, люди, переставшие употреблять, делились своим опытом. За пару лет она слышала и уговоры, и обвинения, и наставления, и просьбы, и угрозы... Но после всего, что довелось ей увидеть, Юле больше не интересно. Нет, она пока не дошла до мыслей о самоубийстве, хотя специалисты и называют употребление наркотиков пролонгированным суицидом. Но и особых усилий, чтобы сохранить здоровье и свою жизнь, Юля прикладывать не станет.

Дети блокадного Ленинграда знали, что им нужно выжить, нужно обязательно постараться. Где-то глубоко внутри они наверняка верили, что война закончится, и у них будет лучшая жизнь. И им не нужны были уговоры, просьбы, наставления. Они хотели жить. А Юля не хочет. И таких, как она, сейчас очень много. Там, где они вырастают, почему-то не могут дать им ту уверенность, которая была у маленьких голодных замерзающих детей, что жить обязательно стоит. Очень просто обвинять Юлю и таких же, что они не могут взять себя в руки и жить по-человечески. Но ответственность за боль в их душах лежит на всех тех взрослых, которые не смогли вселить в них любовь к жизни, которые оставили там пустоту.

ВАСЬКА

Выдержим ли? Главное и единственное желание — не потерять детей, не видеть их гибель... Я с ужасом смотрю на него [сына]. Боюсь, что он погибнет... Мальчика не узнать... Если так будет продолжаться, он погибнет. Делаю всё возможное, чтобы его лучше кормить, но всего этого слишком мало...

Елена Скрябина “Годы скитаний: Из дневника одной ленинградки”

Могли ли матери Ленинграда, каждый день сдавливаемые кольцом смерти, представить себе живущих в мирном комфорте женщин, которым не нужны будут их собственные дети...

Васе шестнадцать. Когда он смотрит без злобы, он похож на домашнего зверька, которого вытащили из его угла, но пока не известно зачем. Последние три года его постоянно пристраивают куда-нибудь на исправление. Он все понимает, дает обещания и даже держится какое-то время. А потом с ним что-то происходит, он даже не может объяснить — что. “Оно само” как-то так случается. Вроде просто гулял с друзьями, как-то само собой решили выпить, и тут угнали машину... покататься. А в другой раз хотели пошутить — на спор взломать киоск с мороженым, просто посмотреть, сколько его там, а вышло не “просто”.

“Мы хотим от него отказаться. Но я не знаю, как ему сказать. В общем, вы тут как-нибудь с ним поработайте, чтобы он сам понял, что ему лучше в детском доме, сам решил, что мы ему плохие родители, не справляемся. Ну вы же специалисты, это ваша работа в конце концов с ними разбираться!” — с таким запросом полная раздражения и претензий пришла Васькина мать. И больше не приезжала к нему. А Васька ждет, каждые выходные ждет, как будто от безделья подходя к окнам.

На звонки мать отвечает, говорит, что занята, даже спрашивает, как дела. После каждого такого звонка Вася что-нибудь ломает или дерется с кем-то. А взрослым объясняет, что мать много работает, она в детской комнате полиции какой-то начальник, у нее много таких подопечных, как Васька, он сам виноват, а она очень устает, а отец и подавно. Никто не знает, о чем она думает. Может, вспоминает, как много лет назад увидела его глаза в “Доме малютки” и поняла, что больше не сможет заснуть, пока не заберет его к себе, навсегда. Потом были долгие недели оформления бумаг, бесконечные казенные коридоры, сухие разговоры, мрачные предупреждения о тяжелой наследственности, генах, последствиях.

Для нее “приготовили” в тот день девочку. Говорили, что интеллигентная семья, несовершеннолетняя дочь оступилась, благородные родители не могли позволить ей сделать аборт и убить крошечную жизнь. Но и оставить не могли, “это перечеркнуло бы карьеру трех поколений”. Маленькая Маша — любимица всего персонала, как будто в подтверждение семейной истории была спокойной, ела по расписанию, ночью почти не просыпалась, развивалась с опережением. В тот день к новым родителям должна была уехать она, а не громкий, весь в диатезе Васька, не дающий ночами спать санитаркам своим не по-детски надрынным плачем. Но его глаза... Увидев их, женщина выбрала Ваську.

Эту историю мать рассказывает специалистам в каждом новом месте, куда пристраивает сына. При этом в завершение конечно же требует, чтобы “тайну усыновления” сохранили, грозится судами, оставляя сотрудников в оковах молчания и переживания. Они смотрят на взрослого парня и все понимают, но права не имеют объяснить ему, почему с ним так часто “оно само происходит”, отводят глаза. Закон о тайне усыновления статья 139 СК РФ...

Приемные дети в нашей стране не имеют законного права знать, что они усыновлены. Этот вопрос отнесли к “этическим” и решение его отдали целиком под ответственность усыновителей. Никто не задумался о том, что у человека есть право знать, откуда он. Принцип “а зачем ему знать?” защищает на самом деле интересы только приемных родителей, которые по определенным причинам скрывают от окружающих факт усыновления. В большинстве

цивилизованных стран усыновители обязаны с самого начала объяснить ребенку, что он приемный. Ему предоставляют право знать правду, оберегая от возможного “сюрприза” в будущем.

К таким законодательным изменениям пришли не спонтанно, а через массу исследований того, что происходит с приемными детьми. Выяснили: в глубине детского сознания сохраняется память о биологической матери. И рано или поздно эта память начнёт проявляться в виде тоски и боли. Разница лишь в том, что ребенок, знающий о своем усыновлении, может пожаловаться на эту боль, получить разъяснения, своего рода “разрешение” на переживания. А оставленный в неведении не сможет найти объяснения своей тоски. Не понимая её причины (ведь вроде все есть, и семья, и любовь), он начинает чувствовать вину за свои переживания, страх и непонимание, откуда взялись эти чувства. Душа маленького человека не способна сама справиться с таким наплывом непонятных эмоций. И они начнут выплескиваться: в агрессии, в болезнях, в драках, в депрессиях. У каждого по-своему, но обязательно начнут выходить.

Вася не знает, что мать больше не хочет его забирать. Не известно, что будет, если узнает. Как не известно и то, узнает ли он когда-нибудь, что однажды другая мать уже отказалась от него. Та, в которой зародилась его жизнь, была этим крайне недовольна. Она кололась уже два года, как и ее партнер. Они даже не рассматривали вариант, чтобы сохранить жизнь ребенку. Но и для аборта нужно было приложить усилия – дойти до врача, записаться, назначить день. Жизнь наркомана непредсказуема, и в момент *употребления* мысли о других делах отходят на второй план. Ругались они между собой часто – денег постоянно не хватало. Отец Васи регулярно избивал его мать, и она думала, что зародыш скорей всего и сам надолго в ней не задержится. А в одну из пьяных драк она “нанесла смертельные ножевые ранения своему сожителю”. Так было озвучено на суде. Вроде и не хотела, но так уж случилось. Мать посадили, и уже в изоляторе знающие люди ей подсказали, что беременным создают более комфортные условия, заставить делать аборт не имеют права, еще и срок сократят возможно. Вот тогда и нашелся смысл для Васиной жизни. Мать решила его сохранить. Но для себя сразу решила, что напишет отказную.

Месяцы беременности давались тяжело, в колонии достать наркотик у нее не получалось (за будущими мамами следили отдельно), а тяжелые ломки изматывали и без того перегруженное новым бременем тело. Периодически она подумывала об аборте, но все же удержалась. После родов она согласилась взглянуть на ребенка, подержала его на руках и передала санитарке: “Ну, удачи тебе. Вы его заберите, кормить я не буду, пусть отдадут кому-нибудь”. Персонал думал, что мать все же захочет оставить крошку себе, хотя бы на какое-то время. Они часто видели, как менялись лица заключенных при взгляде на малюток. Не случилось!

Малыш был совсем синюшным, врачи полагали, что долго он не продержится. К удивлению всех, он окреп и через несколько дней был переведен из тюремной больницы в детскую, где продолжал бороться, несмотря на выявленные патологии сердца. Имя ему подобрали из списка именинников. В Доме малютки к таким, как он, привыкли и радовались, что малыш не заразился ни ВИЧ, ни гепатитом, набирал вес на казенных смесях. Только плакал, то громко и надрывно, то тихо, поскуливая. Для своей биологической матери он выполнил миссию. Он пожил ради нее. Но больше он был ей не нужен.

Между прочим, проблема далеко не частная. В России в местах лишения свободы содержится более 700 беременных женщин и матерей с детьми до трёх лет. За статьи, связанные с наркотиками, сидит около 15% таких матерей. По достижении ребенком трёх лет мать обязана его отдать на воспитание либо родным, либо в детский дом, и он станет “отказником”, даже если мать того не хочет. А вот “на воле” статистики матерей-наркоманок как таковой нет. В нашей стране официальная статистика основывается на данных учёта в наркологических диспансерах. Между тем очевидно, что выявлены и поставлены на учёт далеко не все зависимые. Соответственно подсчитать количество рожавших наркоманок практически невозможно.

Но можно точно говорить о том, что предположение, будто младенцы-отказники в большинстве своем дети наркоманов и алкоголиков, – это миф. Большинство так называемых “ранних” отказников – это дети несовершенно-

летних мамочек, дети приезжих. Зависимые пациентки редко отказываются от своих детей будучи “на воле”. Обычно таких матерей лишают родительских прав значительно позже, так как государство до последнего пытается предоставить матери шанс на исправление, даже если цена этого шанса – искалеченное детство.

А вот статистика усыновления исследуется активно, но она достаточно противоречива. В нашей стране существует много видов взятия ребенка в семью: усыновление, опека, патронаж. Также существует и несколько этапов изъятия ребенка из семьи: ограничение в правах, лишение родительских прав, передача под опеку близким родственникам. В связи с этим достаточно сложно определить статистические показатели по ситуациям с отказниками и усыновлением. По некоторым данным, в России ежегодно происходит 10–11 тысяч случаев отказа от детей в родильных домах. Тысячи детей становятся сиротами при живых родителях. При этом статистика усыновления, как уже говорилось ранее, крайне расплывчата в связи с разными формами помещения ребенка в семью. В среднем в семью ежегодно забирают около 7–8 тысяч детей. Вроде бы и неплохая цифра, скольким могут – стольким и помогают. Но страшны другие цифры, которые мало где публикуются. Цитирую: “Ольга Голодец, заместитель председателя правительства РФ, рассказала во время своего выступления в Госдуме, что в 2012 году в детдома было возвращено более 4,5 тысячи детей” (<http://deti.mail.ru/news/bolee-45-tysyach-detej-vernuli-v-detdoma-v-2012-go/>). Таким образом, получается, что каждого второго взятого в семью ребенка снова возвращают в детский дом. Фактически бросают дважды! И вряд ли найдется специалист, который будет спорить с тем, что страшнее повторного отказа не может быть ничего, уж лучше бы и не затевали.

Социальная реклама пестрит пропагандистскими лозунгами “измени одну жизнь – возьми ребенка”, “каждому ребенку – свою семью” и прочее и прочее. Вроде бы замечательная идея, не придерешься. Только слишком много иллюзий в этих ярких роликах, похожих на рекламу товаров. Никто не предупреждает приёмных родителей, как много им предстоит разочарований. А эти разочарования рождаются из иллюзий большого светлого будущего без изъянов. Мало кто задумывается, что однажды душе такого ребенка мир взрослых людей нанес страшную боль. И эта психологическая травма при каждой ссоре или обиде станет давать о себе знать. А новые родители будут обижаться, что не заслужили такой агрессии и неблагодарности от приемного ребенка, будут укорять его, винить, провоцируя тем самым все больше злости и обиды.

Васька берет на себя целиком ответственность за все, что с ним происходило, никого не виня, оправдывая и родителей, и учителей, и всех тех, кто пытался помочь. Его чувства вины хватит на целую дюжину таких подростков. Оно пожирает его душу изнутри, прорываясь наружу... яркими вспышками агрессии. Тогда открывается другой Васька. Глаза темнеют, взгляд мгновенно меняется, все мышцы как будто собираются в панцирь. Геннадий Полока отхватил бы его без раздумий для своей “Республики ШКИД”. Любой попадающий в поле его зрения может услышать жесткие оскорбления и ругательства. Он выкрикивает все это с вызовом, как будто ожидая в ответ удара. Не получая его, он озлобленно бродит на присогнутых ногах, стуча кулаками о стену. Понимающие взрослые молчат, выжидая спада ярости, слыша тот поток боли, который не уместается в задавленном сердце Васьки. Другие ругают его и жалеют Васькиных родителей. Он слышит слова осуждения, даже если их не произносят вслух. Он знает их наизусть за столько лет, они постоянно сами жужжат в его голове. Васька идет в дальний угол и начинает бить себя, царапать, щипать, стучать ногами о стены до тех пор, пока хватит сил. Он ненавидит себя и не хочет жить. Он не знает, зачем ему жить, если он сам себя не может полюбить. Его тело привыкло к физической расправе с раннего детства, он по инерции продолжает сам себя наказывать, если никто другой не включается в этот замкнутый круг его “воспитания”.

Били Ваську, сколько он себя помнит. За чавканье за столом – подзатыльник, за порванную рубашку – ремня, за сломанный магнитофон – палкой. Васька рассказывает это смеясь, когда кто-то из взрослых спрашивает о шрамах. Он улыбается по-детски искренне: “Да если б не били меня, я бы вообще непонятно кем вырос! Другого пути со мной и не было! Хорошо, что

били, хоть в башке что-то осталось, а то бы...". Нет у него ответа, что бы было, если б не били. Мать после каждой такой выволочки подзывала его к себе и объясняла, что она его любит, поэтому и бьет, что это для его же пользы... Так и лупит он теперь сам себя, чтобы польза была или потому, что правда верит, что это такое проявление любви. Приступы агрессии и самоагрессии проходят, и Васька устало ложится на свою койку и несколько часов молча лежит. Потом пару дней ходит с недовольным лицом, о чем-то думая. А вскоре снова появляется тот искренний взгляд, который делает его похожим на зверька, но домашнего, потерянного. Его и зовут обычно ласково – Васька, за добрые глаза с едва заметными искрами тоски.

Когда его спрашивают про *употребление*, он растерянно отвечает, что это его способ успокоиться. Так он не чувствует вины хоть какое-то время. Он знает, к чему это приведет. Полгода назад он начал колотиться. Васька считает, что после этого он стал спокойнее, потому что наркотик выключает в нем все чувства. Чувства Васе мешают, их слишком много, и они тяжелые. На жизнь он смотрит философски: "Я для мамы живу. Она столько в меня вложила, столько мучилась. Так бы я и не стал напрягаться, устал я что-то жить, надоело вроде. Если б кто убил там или машина сбила – было б проще. Самому тоже хочется, я уже пробовал несколько раз, но маму жалко, не поймет, плакать будет, что я так. Ради матери я исправлюсь, ей очень нужно...". Он говорит это снова и снова, давая обещания, ставя новые цели, выполняя задания специалистов в каждом новом месте исправления.

Никому никогда не узнать, отчего так особенно горько плачут отказные младенцы: понимают ли, что больше никому не нужны, тоскуют ли или просто ослаблены. Но глаза у них особенные, это замечает весь персонал и родильных домов и детских больниц.

Что-то сломалось в человеческих отношениях, в семейных ценностях. И, как сломанный заводской механизм, выдающий брак, деструктивные семьи ломают еще только зарождающиеся жизни.

Можно ссылаться на тяготы 90-х, потерянности старшего поколения, погруженность в страхи и переживания за неопределенность будущего – собственного и страны. Мол, не до духовного воспитания детей было. Но если разобраться – кто растил тех мальчишек и девчонок, уходивших на фронт в 40-е? Их растили люди, родившиеся точно так же во времена развала одной страны и драматических попыток строительства другой. Но они смогли не только сохранить духовность, но и воспитать ее в своих детях, вырастить из них героев.

Во все времена во всех странах существовали неблагополучные семьи. Но таких, как Юля и Васька, было значительно меньше. Вместе с прогрессом мы приобрели замкнутость и безразличие. Начиная с безразличия внутри семьи, и дальше – безразличие соседей, учителей, коллег, просто людей на улицах, проходящих мимо, безразличие государственных структур... А за безразличием приходит жестокость. И она тоже начинается с семьи. Физические наказания появляются от бессилия родителей, от незнания, как можно по-другому. Но и рожают они лишь страх и обиду, которые обязательно выплеснутся на кого-то в будущем.

Возможно, сила русского человека не в идеологии, которая не раз менялась (от язычества к Христианству, от славянофильства к западничеству, от монархии к коммунизму, от коммунизма к...). Его сила в родовой духовности, самобытности. Это, безусловно, лишь субъективное мнение, сложившееся из определенного профессионального опыта. Но, быть может, опора на эти корни, напоминание о них помогут воссоединиться с духовным началом, заложенным в нас. Мы, как страна, как отдельно взятые ее представители, постоянно смотрим либо вперед (будущее, прогресс, развитие), либо на тех, кто "бежит" на соседних дорожках (опережающий Запад, догоняющий Восток, отстающие страны). Но будучи ориентированными вовне, мы слишком редко заглядываем вглубь себя, в глубину наших традиций и достижений, не используя и со временем теряя уникальную силу, переданную нам от поколений предшествующих. Возможно, именно эта сила способна восстановить ту духовность и любовь во внутрисемейных отношениях, которые позволяют детям *жить ради самой жизни*, как умели наши предки, не изводя себя вопросом: стоит ли?